

Генри Фильдинг. Трактат о ничто

Перевод Ю. Кагарлицкого
Генри Фильдинг. Избранные произведения в двух
томах. Т. 1. М., ГИХЛ, 1954
OCR Бычков М.Н. mailto:bmн@lib.ru

{* Дата памфлета не установлена.}

ВВЕДЕНИЕ

Достойно удивления, что, в то время как внимание искушенных в своем ремесле современных писателей привлекают сущие пустяки, великий и возвышенный предмет данного трактата остался совершенно неисследованным. Это тем удивительнее, что он как нельзя более соответствует дарованию многих писателей, безуспешно занимавшихся вопросами политики, религии etc {И тому подобное (лат.)}.}

Впрочем, их нежелание приняться за столь важную тему можно не без оснований отнести за счет скромности, хотя они далеко не всегда подвержены этому пороку. В самом деле, мне приходилось слышать, как иные, чья уверенность в обращении с другими темами была поистине замечательной, краснея отказывались от этой. Ничто внушает человечеству такой священный трепет, что, если бы некоторые весьма благородные наши современники стремились к титулам, богатству и власти, их, согласно общему мнению, остановило бы только Ничто.

Но, бесспорно, какова бы ни была тому причина, никто, кроме отважных остроумцев времен Карла II *, не дерзал еще писать об этом. Во всяком случае никто не делал этого открыто и прямо; ибо следует признать, что большинство авторов, сколь отдаленной от предмета нашего исследования ни казалась бы

вначале избранная ими тема, под конец обычно сводят ее к полному Ничто.

И все же, надеюсь, эту попытку не вменяют мне в вину, как проявление нескромности, ибо весьма многие в королевстве убеждены, что я подхожу для дела, за которое взялся. Но, поскольку принято считать, что если человек говорит о себе, то не иначе, как из тщеславия, я без дальнейших оговорок и предисловий перехожу к своему трактату.

* ЧАСТЬ I *

О древности Ничто

Трудно найти что-либо более неверное, нежели старая пословица, которая, подобно многим другим ложным мнениям, не сходит с людских уст: *Ex nihilo nihil fit*, которую Шекспир передал в "Лире" такими словами: Из ничего и выйдет лишь ничто *.

А между тем в действительности из Ничто рождается все. Истина сия признана представителями всех философских школ, и единственное, в чем они расходятся, это: сотворило ли мир Нечто из Ничто, или Ничто из Нечто *. Нам незачем сейчас разбираться в их споре, поскольку каждая из указанных точек зрения равно говорит в нашу пользу. Однако мудрецы всех времен причисляли себя к одной из сторон, явно в зависимости от того, тяготели они к духовной субстанции или к материальной. Те, кто склонялся к духовному, становились на сторону первых, те же, чей гений лучше умел постичь свойства материи - такие, как прочность, плотность etc, - присоединялись ко вторым.

Но, является ли Ничто *artifex* {Творец, демиург (лат.)}, или только *materies* {Материя (лат.)}, в любом случае ясно, что оно имеет неотъемлемое право считаться первопричиной всего сущего. Далее - великая древность Ничто с очевидностью вытекает из имеющихся у нас сведений о возникновении каждой нации. Его присутствие легко обнаружить на первых же страницах книг, а порою и в целых трактатах всех крупнейших историков; изучение этого важнейшего предмета отнимает у исследователя древности целую жизнь, составляя

самую основу его изысканий, а также их итог, достигнутый ценою невероятных мучений и трудов.

* ЧАСТЬ II *

О природе Ничто

Другое ложное утверждение, которое в ходе исследования нам предстоит опровергнуть, гласит, что "никто не может представить себе Ничто". Люди, с такой самоуверенностью отрицающие за нами способность обладать подобным представлением, либо сами глубоко заблуждаются, либо пытаются грубо обмануть человечество. Не только никто, а даже очень многие располагают целым рядом понятий о Ничто, хотя некоторые, возможно, путают его с Нечто.

Найдется ли, к примеру, человек, который не имел бы понятия о нематериальной субстанции? {Автор не желает, чтобы создалось впечатление, будто он выступает против доктрины, признающей нематериальное, каковую он искренне приветствует. Он хочет лишь указать на глупость тех кто понятие нематериальности, имеющее разумный смысл, подменяет понятием нематериальной субстанции, где сами слова противоречат друг другу. (Прим. автора.)} Но чем нематериальная субстанция отличается от Ничто? Здесь сами слова вводят нас в заблуждение. Спросите человека, как он представляет себе нематериальную материю или несубстанциальную субстанцию, - ему сразу станет ясно, как нелепо видеть в них Нечто, и он тотчас заявит, что это Ничто.

Иные скажут: "Значит, мы все-таки не способны представить себе Ничто?!" Но мне нетрудно, опираясь на столь веские доказательства, отстоять свое мнение, и посему, чем вступать в праздные споры, я лучше покажу, во-первых, что такое Ничто, дам затем определение различным его видам и, наконец, чтоб с честью завершить свои рассуждения, выявлю присущее ему большое достоинство.

Поскольку дать положительное определение Ничто представляется весьма затруднительным, я поведу свое исследование от противоположного. Ничто не есть

Нечто. Здесь я должен опровергнуть ошибочное мнение, будто Ничто не имеет местопребывания. Это возражение, как и два предыдущих, сводится к попытке доказать, что Ничто не существует. На самом же деле оно обитает в почетнейшем месте на земле, а именно - в голове человека. Впрочем, подобное заблуждение было уже должным образом опровергнуто многими мудрецами, кои, потратив жизнь на созерцание Ничто и погоню за ним, на склоне лет своих с грустью заключили, что "все в этом мире - Ничто".

Далее. Поскольку Ничто не есть Нечто, - все, что не Нечто, есть Ничто; а тот факт, что Нечто не есть Ничто, является чрезвычайно веским доводом в пользу Ничто, особенно для людей, искушенных в житейских делах.

Если, к примеру, надуть пузырь, его наполнит Нечто; но если воздух выпустить, справедливо будет сказать, что в нем - Ничто.

С человеком дело обстоит совершенно так же, как с пузырем. Как ни прикрывайся он кружевами и титулом, если нет в нем хоть чего-нибудь, мы вправе сказать о нем то же, что о пустом пузыре.

Но раз нам не удастся в должной мере познать сущность Ничто, как и сущность материи, последуем примеру философов-эмпириков и займемся рассмотрением его постоянных и преходящих свойств.

И здесь мы обнаружим все неисчислимыя преимущества, которые Ничто имеет перед Нечто; ибо в то время как Нечто познается одним, хорошо если двумя чувствами, Ничто - всеми пятью.

Во-первых, Ничто доступно зрению, что явствует из рассказов людей, перенесших тяжелую лихорадку. Это подтверждают и те, кому, судя по слухам, являлись призраки равно как на земле, так и в облаках. Когда у них спросишь, что они видели в означенном месте и в означенный час, эти люди нередко признаются, что видели Ничто. Допуская существование двух видимостей * - первой и второй, во что многие твердо верят, следует считать, что Ничто составляет значительную долю первой и целиком совпадает со второй.

Во-вторых, Ничто доступно слуху, что подтверждается теми же доводами.

Превосходный тому пример мы встретим у Горация, когда он говорит об одном аргиевине *:

- Fuit baud ignobilis Argis
Qui se credebat miros acedire

Tragaedos

In vacuo laetos sessor, Plausorque

Theatro {*}.

{* Жил в Аргосе, не безызвестен.

Некто; казалось ему, что он слушает

трагиков дивных:

Сидя в театре пустом, аплодировал он

им в восторге.

[Гораций, Послание. I

I, 2, 128-130.]}

О том, что Ничто доступно вкусу и обонянию, знают не только люди, обладающие нежным небом и чувствительностью к запахам. Как часто заявляют, что тот или иной предмет не пахнет и не отзывается Ничем! Последнее мне довелось слышать касательно одного блюда, состоявшего из пяти или шести очень аппетитных ингредиентов. Когда же речь заходит о первом, мне вспоминается одна пожилая леди, которая терпеть не могла аромата яблок. Какой-то маленький озорник прицепил ей однажды к подолу несколько зрелых яблок, и с тех пор стоило этому мальчишке попасться упомянутой даме на глаза, как она начинала ощущать запах яблок, хотя бы их не было и на милю в окружности.

Наконец, об осязании. Вряд ли есть чувство, теснее связанное с материей, которая уж безусловно представляет собой Нечто. Мне даже приходилось слышать весьма правдоподобные рассказы о том, что иные люди способны чувствовать только хорошую палку. Тем не менее некоторым случалось ощущать движения души, - а кое-кто бывал глубоко тронут несчастьем друга, хоть и не пытался выручить его. Вот уже два примера, свидетельствующие о том, что Ничто доступно этому чувству. Еще я слышал, как один хирург, отрезая больному ногу, на вопрос, что сам он в это время ощущает, ответил: "Ровно Ничего".

Ничто в такой же степени является предметом наших эмоций, как и наших чувств. Одни любят Ничто, другие ненавидят Ничто, третьи боятся Ничто.

Мы упомянули пока лишь о трех существенных свойствах Ничто. С равным правом должны мы признать за ним наличие четвертого неотъемлемого свойства, а именно - его доступности нашему разуму в той же мере, сколь и чувствам.

В самом деле, многие считали слова "человеческое знание" лишь иным названием того же Ничто. А один из мудрейших людей на свете заявил, что он познал Ничто.

Не имея намерения заходить так далеко, я все же берусь утверждать, что человеку случается понять Ничто. Тот, кто с должным вниманием и прилежанием изучал произведения наших искусных современных писателей, будет вынужден сознаться, что, если он правильно их понял, он понял Ничто.

Читатели, для которых это осталось тайной, не раз бывали повергнуты в недоумение какой-нибудь книгой, главой или абзацем, содержащими Ничто, и по скромности своей решали, что истинный смысл прочитанного ускользнул от них, тогда как на самом деле им следовало бы заключить, что автор честно и *bona fide* {По чести, добросовестно (лат.).} преподносит им Ничто. Помнится, как-то раз за столом одной весьма значительной особы, обладающей не только богатством, но и недюжинным умом, был прочитан темный отрывок из творений поэта, прославившегося тонкостью поистине непостижимой, причем кое-кто из присутствующих заявил, что никак не может добраться до смысла. Хозяин дома, пробежав глазами отрывок, подивился непонятливости гостей: ничто, по его словам, не могло быть проще строк, которые затруднили их. Мы стали еще больше теряться в догадках, но с прежним успехом. Наконец, мы честно признались в своем бессилии и попросили растолковать нам, что хотел сказать поэт. "Что он хотел сказать? - воскликнул хозяин. - Да Ничего!"

Подобное жестокое заблуждение вообще свойственно людям, которые не знакомы с тайной творчества и поэтому воображают, будто невозможно взяться за перо, не имея ничего в голове. В действительности же это более чем обычно. Я и сам принялся за этот трактат без единой мысли в голове, иначе говоря, избрал своей темой Ничто; но если даже не выставлять примером самого себя, остается неоспоримым *ab effectu* {Судя по результатам (лат.).}, что

Ничто находится на дружеской ноге с современными писателями.

Неподражаемый автор предисловия к "Посмертным эклогам", принадлежащим перу одаренного молодого джентльмена, ныне покойного, пишет: "Бывают люди, которые садятся за стол, чтобы написать то, о чем они думают; и другие - которые садятся подумать, о чем они будут писать. Но есть еще третья и самая многочисленная категория людей: эти не думают ни до, ни после того, как принимаются писать, и запечатлевают на бумаге все, что есть у них в голове, то есть Ничто".

Итак, мы попытались познакомить читателя с природой Ничто и определить сперва, чем оно не является, а затем - чем является. Теперь остается показать различные его виды.

Правда, некоторые полагают, что эти виды различаются лишь по названиям. Но, чем опровергать подобную несурязицу, довольно отметить, что у наилучших авторов Ничто встречается в различных своих видах. Я ограничусь тем, что перечислю их, и пусть любезный читатель сам судит, возможно ли, чтоб все они имели один и тот же смысл.

Ничто существует в следующих видах: Ничто *per se* {Само по себе (лат.)}, полное Ничто, совершенное Ничто, Ничто в природе, Ничто на свете, Ничто в целом свете, Ничто во вселенной. И, пожалуй, еще много есть такого, чему имя Ничто.

*** ЧАСТЬ III ***

О достоинстве Ничто; попытка доказать, что Ничто - начало и конец всех вещей

Таким достоинством, какое присуще Ничто, ничто не обладает. Спросите бесчестного, низкого пэра (если, конечно, таковой същется), в чем состоит его достоинство. Возможно, правда, он найдет, что отвечать вам несовместимо с его достоинством, но, допустим, он снизойдет до ответа, - что сможет он вам сказать? Если он заявит, что достоинство унаследовано им от предков, любой адвокат потребует доказательств, что к нему перешли и те добродетели,

с коими было связано достоинство его предков. Если он станет утверждать, будто достоинство заключено в самом его титуле, разве ему не возразят, что, хотя титулами были когда-то отмечены достоинства, а равно и добродетели, с оными неизменно связанные, обратная зависимость исчезает, коль скоро нам становятся известны его качества совершенно противоположного свойства. Равно и всякая иная его попытка найти основание своему достоинству будет тщетной, а посему достоинство это покоится на совершеннейшем Ничто и само таковым является. Но тем не менее не приходится сомневаться в существовании подобного достоинства; ярким сиянием оно слепит взоры людей и приносит немало благ своим обладателям.

Быть может, это разъяснит следующий силлогизм.

Почет, которым награждают титулованную особу, воздается ей по крайней мере предположительно, за великие добродетели и способности; в противном случае он воздается за Ничто.

Но если человек славится своей глупостью и подлостью, указанное предположение невозможно.

Вывод ясен.

Не удивительно, что ни один человек не считает зазорным относиться к другому с почтением за Ничто или самому быть за это почитаемым, ибо величие Ничто, мне думается, достаточно очевидно. Но когда те же люди пытаются выдавать Ничто за Нечто, подобное богоотступничество уже достойно порицания. Обычная софистика! Мне довелось встретить одного малого, который был, и все это знали, полным Ничто. Но он не только сам притязал на Нечто, - его поддерживали в этом другие, имевшие значительно меньше оснований заблуждаться, и поступали так по единственной лишь причине: они стыдились Ничто, - скромность, весьма характерная для нашего времени.

И все же, сколь ни хитра эта маскировка, человек, довольно поживший при дворах и в людных городах, если он не вовсе лишен проницательности, должен убедиться в великом достоинстве Ничто. И если, поддавшись общей испорченности либо вняв собственному благоразумию, он станет падать ниц и пресмыкаться перед тем же, что и другие, так будет по крайней мере знать, что поклоняется Великому Ничто. Ничто

пользуется всеобщим уважением, и наиболее удивительный тому пример - когда поклоняются чему-то, если позволительно так сказать, еще меньшему, чем Ничто, и человек, прославляемый за добродетели, в действительности не только лишен их, но и знаменит пороками, прямо им противоположными. В этом поистине кроется крайний предел Ничто или, если можно так выразиться, ничтожнейшее Ничто.

Следует заметить, что чувство восхищения может иметь своим предметом Нечто, а изливаться на Ничто. Мы, к примеру, воздаем почет и уважение напыщенности, ханжеству, бахвальству, хвастовству, тщеславию и тому подобным качествам, принимая их за мудрость, благочестие, великодушие, благотворительность, истинное величие etc. Было бы ошибкой считать, что я намерен уронить в глазах читателя предмет своего исследования и намекнуть, будто напыщенность, ханжество etc. суть Ничто. В свете, напротив, принято считать, что мудрость, благочестие и другие добродетели куда более заслуживают этого наименования. И мы, конечно, отнесемся с пущим уважением ко второму рода качествам, иначе говоря - воздадим почет тому, чего нет, то есть нашему Ничто.

Но довольно о достоинстве исследуемого предмета. Я еще не показал, что Ничто есть начало и конец всех вещей.

Ни один философ не станет, надо полагать, оспаривать, что всякий предмет распадается на составные элементы. И поскольку мы доказали, что мир возник из Ничто, он, следовательно, возвратится к тому, из чего произошел. Впрочем, я пишу для христиан, и мне нет нужды пускаться в долгие рассуждения, ибо каждый мой читатель, согласно своей вере, признает, что свет должен иметь конец, то есть обратиться в Ничто.

Но если Ничто - конечная цель мира, все в нем сущее имеет ту же цель. Какова цель честолюбия, самой великой, возвышенной, благородной, утонченной, героической и божественной из человеческих страстей? Ничто! Чего достигли ценою забот, тягот, невзгод, изнурения и опасностей Александр, Цезарь и

остальные участники героической шайки, перебившей и ограбившей миллионы людей? Если б они могли сейчас сами за себя сказать, разве не пришлось бы им признаться, что конечной целью всех их стремлений было Ничто? Не одно только личное честолюбие постигает такой конец. Что произошло с *Caput triumphati orbis*, гордым владыкой мира Римом, которому льстецы, не задумываясь, пророчили бессмертие? Что осталось от его бывшего величия? Ничего.

А в чем конечная цель скупости? Скупой не стремится ни к власти, ни к наслаждениям, как полагают иные, ибо ни за что на свете не расстанется с шиллингом. Он не думает о спокойной жизни или счастье, ибо чем больше стяжает, тем беспокойнее и несчастнее становится. Никакие блага на свете не влекут его. Быть может, он ищет страданий? Но это грубо противоречило бы самому существу человеческой природы. Желаете вы того или нет, нельзя не признать, - что цель, вдохновляющая скрягу, - Ничто. Ведь он и сам не способен объяснить, к чему вся эта суета, постоянное бдение и прилежание, самоограничение и самоотречение.

Если он заявит, что цель его - скопить большое состояние, которое он ни теперь, ни когда-либо по своей воле не употребит впрок ни себе, ни другим, этим, я полагаю, он ничего не объяснит. Пусть он покажет, какие существенные блага способно принести его состояние! Пока он не сделает этого, мы по справедливости будем считать, что у скупости одна цель с честолюбием.

Это понимал еще великий Гоббс. Однако, будучи противником исследуемой здесь достопримечательной нематериальной субстанции, он не пожелал признать ее значительность так полно, как это делаем мы. Поэтому он выдвинул чрезвычайно странную доктрину, утверждающую буквально, что во всех перечисленных нами великих стремлениях средства сами по себе являются целью, а именно: для честолюбия - заговоры, сражения, преодоление препятствий и тому подобное, для жадности - ложь, недоедание, бессонные ночи и вечные плутни, сопутствующие этой страсти.

Не составило бы труда наглядно доказать полную беспочвенность подобного суждения, но это не входит в мою задачу; ведь стоит признать, что цель

совпадает со средствами, как приходится заодно согласиться, что цель в этом случае – полнейшее Ничто.

Я показал, какова конечная цель двух величайших и благороднейших страстей, и, поскольку почти каждому представителю деятельной части человеческого рода свойственна либо первая, либо вторая, я не буду утомлять читателя, перечисляя остальные. Полагаю, что мой вывод остается верным для любой из них.

Мораль, которой я намерен заключить свой трактат, в достаточной мере вытекает из уже сказанного. Если столь велики достоинства и значение Ничто, если в нем воплотилась конечная цель многого, окруженного такой торжественностью и блеском, таким уважением и почетом, мудрому следует с благоговейным трепетом и восхищением взирать на Ничто, стремиться к нему ценою всех усилий, жертвовать ему своим покоем, порядочностью и повседневным счастьем. Стремиться к Ничто нас подстрекает и то обстоятельство, что здесь исчезает боязнь обмануться в своей цели либо быть в ней обманутым. Человеку добродетельному, мудрому и ученому незачем в этом случае тревожить себя какими-либо сменами министерств и правительств. Он может успокоиться на том, что, пока министрами остаются проходимцы, которым служат такие же взяточники и корыстолюбцы, истинная добродетель, мудрость, образованность, ум и честность принесут своим обладателям верное Ничто.

КОММЕНТАРИИ

...отважных остроумцев времен Карла II. – Намек на комедиографов

периода реставрации Стюартов в Англии (1660–1688).

Из ничего и выйдет лишь ничто. – Шекспир, "Король Лир" (I, 1).

...сотворило ли мир Нечто из Ничто или Ничто из Нечто. – Речь идет о спорах между деистами и атеистами.

Двух видимостей – то есть бога-отца и бога-сына. Аргивянин – житель Аргоса, города-государства в древней Греции.

